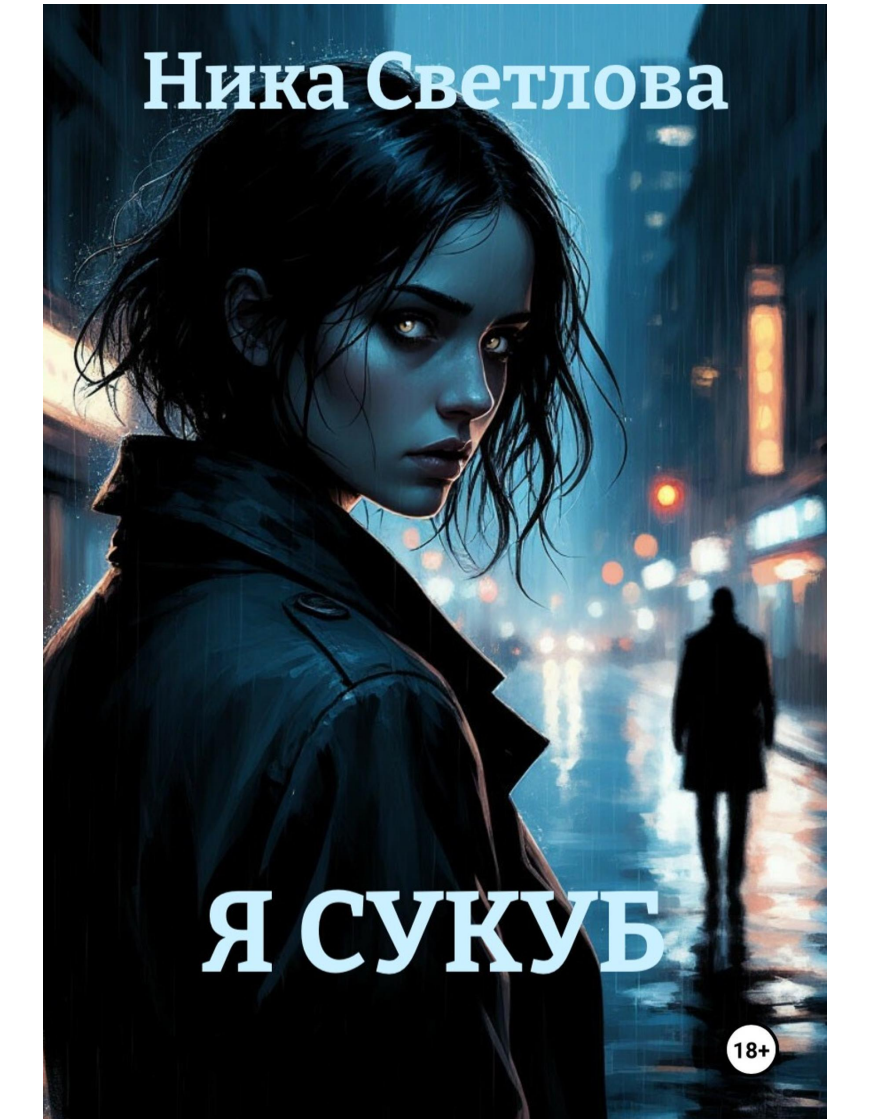

A digital illustration of a woman with dark, wet hair and glowing yellow eyes, wearing a dark trench coat. She is looking over her shoulder at the viewer. The background is a rainy city street at night, with blurred lights and a silhouette of a person walking away in the distance. The overall color palette is dominated by blues and greys, with warm orange and yellow highlights from the city lights.

Ника Светлова

Я СУКУБ

18+

Ника Светлова

Я СУКУБ

<https://litres.ru/74644783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне четыреста двенадцать лет. Я не помню своего настоящего имени. Я питаюсь чужой жизненной силой, тем, что вы называете теплом, искрой, желанием жить. Я не убиваю без нужды. Но иногда голод сильнее меня.

У меня есть четыре правила. Не привязываться. Не кормиться с одного человека дважды. Не задерживаться в одном городе дольше трёх месяцев. Не смотреть в глаза дольше, чем нужно.

За четыреста лет я нарушила их все. Каждое нарушение стоило кому-то жизни.

А потом я встретила его. Следователя, который ищет пропавших женщин. Человека, от которого пахнет дождём и старой бумагой. Человека, который не должен был стать ничем, кроме еды.

Он не еда. Он — единственное, что я нашла за четыреста лет.

И теперь мне нужно найти способ не съесть того, кого я люблю. Пока голод не нашёл его первым.

Содержание

Часть первая. Голод	4
Глава 1. Правила, которые я нарушила	4
Глава 2. Мужчина в углу	7
Глава 3. Суррогат	14
Глава 4. Признание	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ника Светлова Я СУКУБ

Часть первая. Голод

Глава 1. Правила, которые я нарушила

Меня зовут Ева. Это не настоящее имя, настоящего я не помню. Я выбрала его в Париже в 1782 году, когда мне показалось забавным называть себя именем первой женщины. Тогда я ещё находила в этом иронию. Сейчас мне не смешно.

Настоящее имя я потеряла раньше — не в Париже, а где-то до него, в те десятилетия, когда ещё пыталась вспомнить. Оно стёрлось, как буквы на старом надгробии, которые дождь сравнял с камнем. Ева — это не то, кем я была. Это то, кем я решила быть. Разница есть, хотя с каждым столетием она становится всё тоньше.

Мне четыреста двенадцать лет по моим подсчётам, хотя я сбилась где-то в XVII веке, когда чума косила людей быстрее, чем я успевала их находить. Я — сукуб, но не демон в

рогах и не инкуб из старых сказок. Я хищник, и моя природа требует одного: чужой жизненной силы, энергии, того, что вы называете душой, хотя это не совсем душа. Это тепло, искра, то, что заставляет человека просыпаться утром и хотеть жить.

Я забираю это, но не всю сразу — тогда человек умирает, а мне нужны живые. Я беру понемногу, оставляя достаточно, чтобы жертва могла восстановиться, как пчела, которая берёт нектар, но не убивает цветок. Но иногда я беру больше, когда голод сильнее меня, когда я устаю быть осторожной. Тогда люди умирают.

У меня есть правила, и появились они не сразу — я вывела их за четыре столетия проб и ошибок, и каждое правило стоило кому-то жизни. Я записала их не на бумаге, потому что бумага горит, а внутри, на изнанке памяти, как клеймо.

Правило первое: не привязываться. Жертва должна быть расходным материалом, и как только ты начинаешь видеть в ней человека — ты проиграла. Нарушишь — будешь ходить по улицам и искать её лицо в чужих лицах годами, столетиями.

Правило второе: не кормиться с одного человека дважды. Второй раз — это уже не питание, это отношения, а отношения — это смерть, его или твоя. Я проверила это в Лиссабоне в 1911-м. Мальчик был красивый, и я приходила к нему трижды, а на четвёртый раз не смогла остановиться. Его хоронили в закрытом гробу, и я стояла в толпе, и никто не знал,

что я — причина. После похорон я уехала в Мадрид и три месяца не выходила из комнаты. Я не голодала — я не могла, потому что каждый раз, когда я пыталась взять у кого-то энергию, я видела его лицо, мальчика из Лиссабона. Ему было девятнадцать, и он хотел стать врачом.

Правило третье: не оставаться в одном городе дольше трёх месяцев. Люди начинают замечать сначала странную усталость после общения с тобой, потом то, что ты не стареешь, потом то, что рядом с тобой умирают.

Правило четвёртое: никогда не смотреть в глаза дольше, чем нужно. Глаза — это дверь, и если ты открываешь её слишком широко, в неё может войти что-то, чего ты не ждала.

Я нарушила все четыре, по порядку, и каждое нарушение потом проговаривала себе как приговор, который сама себе вынесла.

Но давайте по порядку.

Глава 2. Мужчина в углу

Бар назывался «Мерцание». Тусклый свет, тяжёлый бас, запах разогретого воска и чужих желаний. Я вошла в половине двенадцатого не для того, чтобы пить. Я не пила алкоголь уже двести лет. Мой организм не принимал ничего, кроме одного.

Я остановилась у входа, позволяя дверям закрыться за спиной, и вдохнула.

Ароматы.

Пожилой мужчина у стойки — горький, как перестоявший кофе, устал от жизни, от жены, от кредитов. Питаться им всё равно что жевать картон. Слева, у окна, женщина с бокалом белого вина, кислая недозрелая, только что расставшаяся с кем-то и пришедшая сюда, чтобы почувствовать себя живой. Она была бы лёгкой добычей, но я не любила лёгкое.

Я скользнула дальше взглядом и замерла.

Он сидел в дальнем углу один, перед ним стоял нетронутый виски. Мужчина лет тридцати пяти, тёмные волосы небрежно зачёсаны назад, рукава рубашки закатаны до локтей — привычка человека, который не любит чувствовать себя скованным. Он смотрел не в телефон и не на сцену, а сквозь, в пустоту перед собой, и в этой пустоте было столько

всего, что у меня пересохло в горле.

Запах. Я прикрыла глаза. От него пахло дождём, мокрым асфальтом, старой бумагой и чем-то ещё — тёплым, живым, с горьковатой ноткой на излёте. Так пахнет человек, который давно не спал, много думал и потерял что-то важное, но ещё не сдался.

Я открыла глаза. Так пахнет не еда. Так пахнет искушение.

Я знала это чувство, потому что оно приходило раз в несколько десятилетий, когда среди миллионов пустых оболочек попадалась одна, которая могла не просто накормить, а насытить. Такие люди были редки и опасны, потому что после них невозможно было вернуться к суррогату.

Я сделала шаг вперёд.

Его звали Илья, Илья Кротов, тридцать шесть лет, следовательно по особо важным делам — так было написано в его удостоверении, которое я мельком увидела, когда он расплачивался. Он расследовал исчезновения, а люди пропадали в этом городе каждую неделю, обычная статистика для мегаполиса, где каждый день кто-то решает начать новую жизнь или закончить старую. Но эти исчезновения были другими, и я знала о них, потому что чувствовала: каждый раз, когда в городе появлялся кто-то вроде меня или хуже, воздух становился плотнее, как перед грозой. Я научилась распознавать этот запах за столетия — запах чужого голода. В этом городе был ещё один, и он не соблюдал правила.

Илья сидел в баре «Мерцание» и думал о том же, и я ви-

дела это по тому, как он сжимал стакан, не пил, просто держал, и по тому, как его взгляд время от времени возвращался к блокноту, лежащему перед ним. В блокноте были фотографии, я разглядела их краем глаза: молодые женщины, все похожи на меня, не внешне, а по типуажу — худые, темноволосые, с чем-то неуловимым в выражении лица, что-то, что притягивает взгляд и не отпускает. Он искал меня или кого-то очень похожего.

Я села за стойку в двух метрах от него и заказала martini, который не собиралась пить. Бармен, молодой парень с усталыми глазами, поставил бокал передо мной и задержал взгляд на моих пальцах. Я носила кольцо с чёрным камнем на безымянном пальце левой руки — привычка, оставшаяся от прошлой жизни или от прошлой смерти.

— Вы кого-то ждёте? — спросил бармен.

— Нет, — сказала я. — Я уже нашла.

Он не понял. Люди редко понимают.

Илья поднял голову. Наши взгляды встретились на долю секунды, не больше.

«Правило четвёртое», — подумала я. — «Не смотри». Я отвела глаза первой. Это было ошибкой. Не потому, что я выдала себя. Потому что он это заметил.

— Вы здесь впервые, — сказал он, и это было не вопросом, а утверждением.

Я повернулась к нему и улыбнулась той улыбкой, которую оттачивала столетиями, той что заставляет мужчин забывать

собственные имена.

— А вы всегда так внимательны к незнакомкам?

— Только к тем, кто сидит в двух метрах от меня и смотрит в пустоту, как будто видит там что-то, чего не вижу я.

Он был умён, и это плохо, потому что умные люди позже понимают, что с ними происходит, и задают больше вопросов. Но они же и интереснее, их энергия глубже и насыщеннее, как хорошее вино вместо дешёвого пойла.

— Я смотрела на вас, — сказала я. — Не в пустоту.

— Ещё лучше, — сказал он и улыбнулся. У него была усталая улыбка человека, который давно не улыбался искренне. — Илья.

— Ева.

— Красивое имя.

— Оно мне подходит.

Мы проговорили два часа, хотя я не собиралась: это было частью плана, я хотела узнать, что он знает и насколько близко подошёл. Но чем дольше мы говорили, тем меньше мне хотелось играть роль, и я ловила себя на том, что отвечаю честно, что смеюсь не по расчёту, что мне интересно, что он скажет дальше. «Правило первое, — сказала я себе. — Ты привязываешься. Прекрати». Я не прекратила.

Он рассказывал о работе, об исчезновениях, о том, что все жертвы были женщинами, которые вели ночной образ жизни, о том, что тела не находили, и о том, что единственное, что их объединяло, — странная усталость за несколько

дней до исчезновения. «Как будто из них высосали жизнь», — сказал он, и моё сердце, которое не билось уже четыреста лет, сделало один удар.

— А вы? — спросил он. — Чем занимаетесь?

— Реставрирую картины, — сказала я. Это было правдой. Я действительно реставрировала картины. Старые полотна, которые помнили больше, чем я. Я возвращала им жизнь, которую они почти потеряли. Это было единственное, что я умела создавать, а не разрушать.

— Значит, вы возвращаете к жизни то, что умерло.

— Иногда.

— А людей?

Я посмотрела на него, нарушая четвёртое правило уже во второй раз за вечер.

— Людей я не реставрирую, — сказала я тихо. — Люди — это не картины. Их нельзя починить, просто добавив красок.

Он не отвёл взгляда. И в этот момент я поняла, что он уже знает, не то, кто я, но то, что я не совсем человек. Он чувствовал это так же, как я чувствовала его запах.

— Может быть, — сказал он. — Но иногда достаточно просто не дать им умереть.

Мы вышли из бара вместе, и он предложил проводить, а я согласилась, хотя знала, что это нарушает все правила. Мы шли по ночному городу, и он рассказывал о своей дочери, которая умерла три года назад — лейкемия, восемь лет. Он показывал мне фотографию в телефоне, девочка с его глаза-

ми и чужой улыбкой, и говорил о ней, и его голос не дрожал, потому что он уже выплакал всё, что мог, и теперь внутри него была только тихая, ровная пустота.

Вот что я почувствовала в нём. Не боль, потому что боль — это когда что-то болит, а у него не болело. У него было пусто, и эта пустота была такой глубокой, что я могла бы заполнить её собой.

— Я не должна была этого говорить, — сказала я, когда мы остановились у моего дома. — Но я рада, что вы мне рассказали.

— Почему не должны?

— Потому что мы едва знакомы.

— Иногда едва знакомые люди — единственные, кому можно рассказать всё.

Он посмотрел на меня, и в его глазах не было ни похоти, ни расчёта, только любопытство и что-то ещё, чему я не сразу нашла название. Потом нашла: надежда. Он надеялся, что я не то, чем кажусь, что я та, кто сможет понять. Он ошибался, но я не стала его разубеждать.

— Спокойной ночи, Илья, — сказала я и вошла в подъезд, не оборачиваясь.

Дома я села на пол в тёмной комнате, прислонилась спиной к стене и просидела так до рассвета. Я не могла его съесть и не могла отпустить. Правило первое, правило четвёртое — я нарушила их обе за один вечер, и впервые за четыреста лет я не знала, что делать.

Глава 3. Суррогат

Голод пришёл на третий день, и это всегда начинается одинаково: сначала лёгкое головокружение, потом холод в пальцах, который не проходит, сколько ни три руки, потом звон в ушах, тонкий, как комариный писк, и наконец тяга — не желание, а именно тяга, как у наркомана, который знает, что умрёт, если не уколется, и всё равно идёт за дозой.

Я вышла в город. Было девять вечера, я шла по проспекту, и люди текли мимо меня, как река, и я чувствовала их каждого, потому что запахи смешивались в густой коктейль из пота, духов, кофе, страха, надежды и усталости. Я выбирала. Вот мужчина в костюме, спешащий домой к жене, которую не любит, — скучный. Вот женщина с собачкой, одинокая, но не настолько, чтобы быть лёгкой добычей. Вот парень в наушниках, полный юношеской энергии, которая бьёт ключом и переливается через край, — слишком молод, слишком яркий, после него будет изжога.

Я остановилась у витрины книжного магазина и посмотрела на своё отражение. Бледная, слишком бледная, под глазами тени, которых не было три дня назад. Я выглядела как человек, который давно не спал и много плакал.

«Ты можешь пойти к нему, — сказала я себе. — Он хочет тебя. Он будет счастлив. Ты возьмёшь немного. Он даже не

заметит». Я знала, что это ложь, потому что уже заметила в нём то, чего не было в других. Если я прикоснусь к нему по-настоящему, я не смогу остановиться, выпью его до дна, а потом буду сидеть рядом с пустой оболочкой и ненавидеть себя.

Я не пойду к нему. Я пойду к кому-нибудь другому.

В переулке за книжным магазином я нашла первого — мужчину лет сорока, с лицом человека, который давно махнул на себя рукой. Он курил, прислонившись к стене, и смотрел в телефон, и я подошла к нему и сказала:

— Закурить не найдётся?

Он поднял голову, увидел меня, и в его глазах вспыхнуло то, что я видела тысячи раз, желание, простое, животное, ничем не прикрытое. Он даже не пытался его скрыть.

— Найдётся, — сказал он.

Я взяла сигарету, и наши пальцы соприкоснулись на секунду, не больше, и этого хватило. Я почувствовала, как его энергия потекла в меня, тёплая, чуть горькая, как дешёвый виски. Он даже не заметил, просто моргнул и потряс головой, как будто на секунду закружилась голова.

— Всё нормально? — спросила я.

— Да... голова что-то. Бывает.

Я сделала ещё один глоток, потом ещё, и остановилась, когда почувствовала, что он начал бледнеть. Нельзя. Не сегодня.

— Спасибо, — сказала я и ушла, оставив его стоять в пе-

реулке с сигаретой, которая догорела до фильтра.

Дома я села на пол и заплакала, хотя не плакала уже сто лет. Слёзы были солёными и горячими, и они жгли щёки, как кислота. Я ненавидела себя за то, что сделала, за то, что не могла иначе, за то, что через три дня мне снова придётся выйти в город и найти кого-то другого. И за то, что всё это время думала об Илье.

На следующий день я пошла в другой район, подальше от мастерской и подальше от его дома, и в баре на Садовой былолюдно, и я села у стойки и стала ждать.

Первый, кого я выбрала, был молодой, лет двадцати пяти, красивый, самоуверенный, с той особенной энергией, которая бьёт через край и кажется бесконечной. Я коснулась его плеча, когда он проходил мимо, и взяла немного. Это было как газировка: сладко, остро, с пузырьками, и через минуту я уже забыла вкус. Он даже не обернулся, просто пошёл дальше, к своим друзьям, и через час я видела, как он смеётся над чьей-то шуткой, полный жизни, которая уже была не совсем его.

Второй была женщина лет пятидесяти, с усталыми глазами и добрым лицом. Она сидела одна, пила чай и читала книгу, и я села рядом и заговорила о книге, и она обрадовалась, потому что ей давно никто не задавал вопросов. Я взяла у неё чуть-чуть, совсем немного. Это было как вода: тёплая, пресная, никакого вкуса, но она заполняла пустоту. Я чувствовала себя виноватой больше, чем обычно, потому что она была

хорошей и не заслуживала.

Третий был мужчина в костюме, с портфелем, с лицом человека, который весь день врал по телефону, и я взяла у него больше, чем следовало. Он побледнел, схватился за стойку, бармен налил ему воды, а я ушла, пока он приходил в себя.

Три человека за один вечер, три глотка, и ни один из них не был тем, чего я хотела. Я шла домой и думала: «Вот что такое суррогат. Ты пьёшь, чтобы не умереть, но не пьёшь, чтобы жить, ты заполняешь пустоту, но не насыщаешься, и с каждым разом всё труднее вспомнить, каково это, когда вкусно».

Глава 4. Признание

Он позвонил на следующее утро, хотя я не давала ему номер. Он нашёл сам, следовательно, что с него взять.

— Я хочу тебя увидеть, — сказал он без предисловий, без «привет, как дела», просто «я хочу тебя увидеть».

— Илья, — сказала я. — Это плохая идея.

— Почему?

Я молчала, а в трубке шумел город — сигналы машин, чьи-то голоса, далёкая музыка, — и он стоял где-то на улице и ждал моего ответа.

— Потому что я могу тебя обидеть, — сказала я наконец.

— Обидеть?

— Не в том смысле. Я могу... — Я закрыла глаза. — Я могу сделать тебе больно. Не специально. Просто так получается. Со мной так всегда.

Он помолчал, а потом сказал:

— Ева. Я три года живу с болью. Я знаю, как это, когда тебе делают больно. И я знаю, что иногда это делают не специально, иногда люди просто не умеют иначе. Я хочу тебя увидеть. Сегодня. В семь. В «Мерцании».

Он повесил трубку, а я сидела на подоконнике и смотрела, как по стеклу стекают капли дождя. За окном был серый город, серое небо, серые люди, и только одна мысль билась в

голове, как птица в клетке: «Он знает, он уже знает, он просто ещё не сказал».

В семь я была в «Мерцании». Он ждал меня за тем же столиком, и перед ним стояли два стакана — виски для него, мартини для меня. Он помнил.

— Ты пришла, — сказал он.

— Я хотела не приходить.

— Почему пришла?

Я села напротив и посмотрела на него. Вблизи он выглядел ещё более уставшим, чем в первый раз, но в глазах было что-то, чего не было раньше, — решимость.

— Потому что я устала, — сказала я. — Устала бегать.

— От кого?

— От себя.

Он кивнул, как будто ждал этого ответа.

— Ева, — сказал он. — Я знаю, кто ты.

Мир не остановился: бармен всё так же протирает стаканы, музыка играла, люди разговаривали. Но для меня всё замерло.

— Что ты знаешь?

— Я знаю, что ты не человек. Я знаю, что ты делаешь с людьми. Я знаю, что ты не хочешь этого делать. — Он говорил ровно, без страха. — Я расследую эти дела три месяца. Я видел тела, те, что находили, и я видел, что остаётся от людей, которых не находят. Это не ты. Ты не убиваешь. Ты... берёшь. Но не всё.

— Откуда ты знаешь, что не я?

— Потому что ты сидишь здесь, — сказал он. — И не берёшь меня. Хотя могла бы. Ты могла бы забрать меня в первую же ночь, когда мы познакомились. Я был готов. Но ты не стала.

— Я не могу, — сказала я. — Не могу тебя взять.

— Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.